

Большой каллиграфический словарь

Валентин Давенпорт

Смешивать кислое с красным, мягкое с квадратным и вообще все подряд со всем, что под руку попадет - такое поведение обычно свойственно младшему. Фельтин же до сих пор полагал, что лично он-то края видит великолепно, четче некуда. Ровно до тех пор, пока не организовал самому себе комнату для занятий в столовой. Хорошо, что там вечером никого не было и необходимость объяснять почему, да как, да куда родители смотрят, не присутствовала.

Ну посудите сами: дома же заниматься просто-напросто невозможно. Если мама понимает, что мешать пытающемуся сосредоточиться мужчине, пусть даже маленькому, нельзя ни в коем случае, то вот Эмилю с Дарсией этого объяснить не выходит никак. Ни словами, ни записками, ни подзатыльниками. Они же любопытные и лезут. Не подзатыльники - брат с сестрой. То и дело чей-нибудь нос под локтем торчит и чей-нибудь голос вопросы не к месту задает. Сбивает.

А Фельтину как раз уперлось с тем, как китайские слова пишутся, разобраться. Эти, иероглифы. Там отвлекаться вообще никак нельзя. Правила правописания не позволяют.

Разместившись за одним из столиков, предназначенных вообще-то для еды, а не для чистописания, разложив перед собой ухваченную у мамы со стола книжку и заранее заготовленную тетрадь в крупную клетку, Валентин, пытаясь от усердия, выбирал в книге завитушку попримечательнее и зарисовывал ее к себе в тетрадь, высывая язык, когда выводил толстую линию, и прикусывая кончик языка - когда линия должна была получиться тоненькой.

Тяжелая наука, однако.

Яшими Элен Файр

О том, что кухня в доме место святое, практически храм вся семья, подсознательно догадывается наверное каждый. Так же как каждый, наверное, знает, что есть нечто сакральное в том, чтобы вечером, а еще лучше ночью в это святое место прокрасться и совершить паломничество к холодильнику. Причем полагается делать это в тайне и без свидетелей. Яшими кухню вообще и вечерние посиделки на ней в частности очень даже уважала, вот только предпочитала проводить их в одиночестве и без свидетелей. Поэтому ничего нет странного в том, что зайдя как-то вечером в предположительно пустую столовую, и обнаружив там сосредоточенно пытающего мальчишку в количестве одной штуки, она мягко говоря удивилась и на всякий случай покрутила головой, отыскивая кого-нибудь еще. Ей почему-то казалось, что дети ходят непременно галдящими группами, и обязательно с кем-нибудь из взрослых. Но в столовой за исключением их двоих никого не было, и Файр решила, что вряд ли один ребенок помешает ей спокойно вскипятить чайник и удалиться с ним в жилой корпус, раз уж вечерние посиделки ныне не задались. Но все-таки тихонько двигаясь в сторону кухни, девушка не удержалась и заглянула через плечо Фельтина - интересно же, что настолько плотно могло привлечь внимание ребенка. Что именно британка там ожидала увидеть, она и сама наверное не знала, младших братьев или сестер у нее не было, и опыта общения с детьми, соответственно, тоже, но все-таки почему-то показалось, что каллиграфия это немножко не то дело, которое может заинтересовать мальчика лет пяти-шести на

вид. Но каждому свое видимо. Удовлетворив любопытство, можно было спокойно пройти на кухню, вот только нарисованные Фельтином линии настолько били по эстетическим чувствам Яшими, что удержаться от замечания было совершенно невозможно:

- Здесь нужно хвостик выше приподнять, а там вот скруглить немного, - как она сама училась писать Файр не помнила, а то быть может и предпочла бы промолчать и идти дальше, куда изначально планировала. Мысль о том, что она лезет туда, куда ее никто не просит, как всегда запоздала.

- Ну не буду мешать, - и девушка сделала попытку удалиться в сторону кухни. Она сюда за чаем же собственно шла, а не советы по чистописанию раздавать.

Валентин Давенпорт

Когда в его дела начинали лезть посторонние, Валентин ну просто терпеть не мог, ненавидел всем своим не слишком мощным тельцем. Поэтому в ответ на замечание о красоте и прямоте нарисованных им линий Фельтин сперва упал грудью на тетрадку, закрывая своё творчество от посторонних взглядов. И наградил Яшими тяжёлым, неодобрительным взглядом откуда-то из-под локтя. Мол, ну и зачем ты вещаешь мне это под руку? Британские учёные успели доказать, что когда человек подпрыгивает от испуга, он резко сбивается на каллиграфический почерк? Что - нет? Ну вот и не надо тогда.

И только когда Яшими уже двинулась в сторону кухни, Валентин, запоздало воззвав к невероятно крепкому, но непростительно сонному заднему разуму, решил, что замечание звучало скорее как слова человека, реально разбирающегося в том, о чём говорит, чем как придирка ради придирка. Фельтин смущённо зарумянился - ну надо же было так поспешно опозориться, в лучших традициях младшего, - кашлянул, привлекая к себе внимание Яшими, и предельно вежливо попросил: - Извините. А можно, вы ещё раз покажете, где что скруглить? Я прослушал.

Извинение, конечно, такое себе. Посредственное. Но рассыпаться в извинениях мелким бесом Фельтин пока не научился. Этот полезный навык в планах на жизнь грядущую все же стоял глубоко после каллиграфии.

Яшими Элен Файр

Пока мальчик сопел и дулся на ее замечание, Яшими успела сходить дойти до кухни и заняться установкой чайника на огонь.

- Сейчас покажу, - живо откликнулась она на слова Валентина, - только чайник поставлю, хорошо? Ты будешь чай? – тут же предложила девушка, возвращаясь в столовую и присаживаясь рядом с мальчиком. Что-то ей в последнее время везет наткнуться на обоих пацанов повсюду – вчера Эмиль в саду, сегодня вот Фельтин в столовой. Чудеса да и только.

Теперь она повнимательнее рассмотрела, за что же там такое взялся Валентин. Яшими не знала, занимался ли кто-нибудь с мальчиком каллиграфией, но он явно не спешил начинать с простых линий, сразу выбрав себе иероглиф позаквырестей. Девушка улыбнулась и осторожно протянула руку к кисти.

- Давай покажу как правильно? – предложила она, еще не уверенная, что кисть ей доверят, а не стукнут ею по лбу. От этих мальчишек всего ожидать можно.

Валентин Давенпорт

Чай?

Фельтин задумался, прислушиваясь к полярной противоположным суждениям головы и пуза. Голова подсказывала, что когда чай так ласково предлагают, надо проявить вежливость, исторгнуть из себя радостную улыбку и согласиться. Пузо же уверяло, что никакой чай в него не поместится. Места не предусмотрено.

- Буду, - решил Валентин, не вслушиваясь в свой внутренний спор чересчур долго, чтобы Яшими не успела передумать быть щедрой и не забрала своё предложение обратно. - Спасибо большое, - и мальчик решительно спихнул книгу от центра на край стола, освобождая место для посуды.

А чай - да ерунда, это же просто жидкость, уж поместится там куда-нибудь в желудок, найдет себе уголок.

- Если вы мне покажете, как правильно, я буду очень признателен, - торжественно загнул Фельтин, послушно протягивая Яшими кисть. Книга, конечно, тоже в какой-то мере показывает, как правильно, но в книге-то виден только конечный результат. А как до него добраться, никто же не объясняет. Поэтому посмотреть, как чья-то живая рука изображает иероглиф - это же, по мнению мальчика, вообще бесценный опыт. Глупо будет от такого нос воротить. Валентин сосредоточенно уставился на пальцы Яшими, готовясь запоминать движения. И даже спрятал ладонь под стол, чтобы там втихоря сразу все за девушкой по возможности и повторить. Голова - инструмент хороший, годный, с этим никто не спорит. Но если сейчас получится кроме головы сразу и рукой запоминать, это же будет проще и быстрее. Должно быть, во всяком случае.

Яшими Элен Файр

Предлагала Яшими в общем из вежливости, и вряд ли бы обиделась, если бы Фельтин отказался, впрочем, согласию она тоже не расстроилась. Что ей чай жалко что ли? Но непосредственно до чая было еще далековато - как раз хватит времени, чтобы нарисовать в тетради пару иероглифов.

- Всенепременно, - девушка с трудом сдержала смешок, уж больно странно было слышать такие куртуазные вежливости от ребенка. Вот пройдет лет десять - будут все девчонки падать в штабеля, а пока Яшими аккуратно взяла кисть и начала медленно показывать.

- Смотри, все иероглифы пишутся сверху вниз и слева направо. Они состоят из отдельных линий. И если писать их в правильной последовательности, то получается намного проще.

- В начале - капли, потом горизонтальные, наклонные и вертикальная - самая последняя, - слова Яшими сопровождала действием, медленно и уверенно выписывая каждую линию. Кисть она держала строго вертикально относительно тетради.

- Как-то так, - она еще раз улыбнулась мальчику и вернула ему кисть. На бумаге темнел иероглиф совершенно неотличимый от того, что был в книге, только размером побольше.

- Пробуй, а я пойду чайник снимать, кипеть сейчас будет.

Валентин Давенпорт

Сверху вниз и слева направо. Валентин кивнул, запоминая. Звучало логично и

запоминалось легко - все остальное, что не иероглифы, в общем-то, пишется примерно так же. По меньшей мере, так заполняются тетради. Слева направо и сверху вниз. Очень легко и понятно. Вот следующее утверждение, которое выдвинула Яшими, уже показалось Фельтину более тяжеловесным и сложным к запоминанию. К нему требовалось как-то серьезнее, что ли, подойти. Придумать что-нибудь, что помогло бы в последовательности не путаться. Пытаясь поменьше отвлекаться на то, что горизонтальные идут перед вертикальными (или наоборот, после? как все очень плохо), Валентин закончил следить за рукой Яшими, сопровождая каждую новую линию, появляющуюся на бумаге, глубокомысленным кивком, затем взял у девушки обратно кисть и торжественно сказал: - Благодарю.

Эх, если бы все так легко получалось, как торжественные благодарности говорить.

- Сверху вниз, слева направо. В начале - капли, - чуть слышным шепотом напомнил самому себе мальчик и посмотрел на иероглиф. Иероглиф, начинающийся определенно не с капли, в ответ нагло посмотрел на Фельтина.

- Сверху вниз и слева направо, - уже громче и увереннее повторил Валентин, словно намекая корявому иероглифу: нас отсутствием капель не запугать, мы с тобой все равно разберемся, подлец ты эдакий. И, пожав плечами, мальчик начал рисовать с того, что было, потихоньку продвигаясь из левого верхнего угла в правый нижний и мучительно застывая с занесенной над бумагой кистью каждый раз, когда требовалось вспомнить, какая черта идет раньше: вертикальная или горизонтальная. С наклонной-то все понятно, наклонная строго между ними, откуда ни посмотри - посерединке. А вот вертикальная и горизонтальная в голове у мальчика успешно спутались. Чтобы никому не было обидно, Валентин пытался их чередовать, передвигая вперед по линии очереди то одну, то другую. Но периодически ошибался, это точно.

Яшими Элен Файр

Чайник еще не кипел, но как раз готовился к этому важному и знаменательному в своей жизни событию, так что Яшими осталось только снять его с огня, да залить кипятком в большой заварник, стоявший тут же на кухонном столе. Заварник Яшими принесла с собой, предпочитая пить свою собственный чай, пусть даже он ничем практически от монастырских запасов не отличался. Но то все-таки общественное, а это свое. Совсем другой вкус получается в итоге.

Заварник и две чашки Яшими принесла на стол к Валентину и аккуратно поставила. Чаю следовало дать немного времени, чтобы завариться, а ей хотелось посмотреть на то, что там пишет мальчик.

- Неплохо получается, одобрила девушка его старания. Где-то когда-то давно она читала, что детей надо хвалить. Даже если получается что-то откровенно плохо, все равно надо хвалить, чтобы не бросал занятие и потом получилось хорошо. А уж чего-чего, а похвалы Яшими было нисколько не жалко. Так что хвалила Фельтина она совершенно искренне и от души, пусть и погрешив при этом немного против истины.

Валентин Давенпорт

Услышав похвалу, Валентин недоверчиво покосился на Яшими, затем снова посмотрел на накаляканный в тетрадке иероглиф и мучительно нахмурился. В то, что все так уж радужно прямо с самого начала, мальчику упрямо не верилось. И дело было даже не в том, что Фельтин почитал самого себя отвратительно

криворуким - напротив, мальчик считал, что руки у него вполне приличные. Но это же, наверное, нормальное явление, когда с первой попытки все из рук валится, первый блин - непристойным комом, первый иероглиф - рогатым нечто, и так далее, и тому подобное.

- А что получается плохо? - уточнил Валентин. И поднял на Яшими предельно серьёзный взгляд: - Только скажите честно, пожалуйста. Я не расстроюсь, правда. Зато буду точно знать, где ошибаюсь, а не думать, что вот то корявое, что я пишу - это как раз так, как нужно.

Будь Валентин постарше и поначитаннее, он бы, пожалуй, загнул суровую телегу об опасности приятных иллюзий и о том, что лично он под их власть предпочитает не попадать. А так пока не хватало слов и опыта для таких роскошных и витиеватых речей. Поэтому Фельтин ограничился тем, что подумал ещё немного и добавил: - Не люблю быть перехваленным. Это мне очень мешает дальше работать. Когда нос от гордости потолок царапает.

Яшими Элен Файр

Серьезность мальчика умиляла и подкупала. Только вот критиковать его от этого еще больше не хотелось, исключительно хвалить и трепать пушистую макушку. Но вместо этого Яшими очень внимательно посмотрела на иероглиф, думая, как сформулировать, что же именно не так, и как это хитро объяснить, чтобы в следующий раз получилось так, как нужно.

- Линии слишком в разные стороны ползут, - наконец определилась она с выводом, - Вот если они наклонные, то и наклон одинаковый должен быть. И горизонтальные - одна точно под другой.

- Но сразу это никогда не получается, - заверила Яшими мальчика, чтобы вопреки своим словам все же не расстроился.

- По правилам каждую линию отдельно в начале учатся писать. Мастера раньше заставляли каждую линию писать до тех пор, пока она одинаковая пятьдесят раз подряд не получится, и только потом разрешали перейти к следующей, - поделилась она подробностями древнего обучения. Современные методики вроде как были менее суровы.

Валентин Давенпорт

Указания на ошибки Валентин выслушал даже внимательнее, чем похвалу. Потому что похвала, ну чего с ней делать? Принять к сведению, да и только. Ну, можно ещё непомерно возгордиться от осознания того, что ты молодец, и нос задрать в самый космос. Вот и всё, пожалуй. С указаниями же на ошибки вполне чётко понятно, что следует делать: решительно брать кисть в зубы, потом перекладывать её в руку и исправляться, исправляться, пока совсем не справишься.

- В разные стороны, это они могут. Руки-то дрожат, - охотно согласился Фельтин. И придирчиво изучил сначала первоначальный иероглиф из книги, потом тот, что нарисовала Яшими, а затем - крайне печальный свой. Не то чтобы совсем уж враскоряку, но печальный, что было, то было. В книге, понятное дело, иероглиф был образцово-показательный, наверняка его не ручками рисовали, а печатали. Тот, что написала Яшими, похож на своего книжного собрата был до изумления. Ну, разве что чуть больше получился, а наклоны линий, это с линейкой проверять надо было, Валентин так на глаз бы не определил, кривится ли там кто куда. Творение же самого мальчика отчётливо качалось в разные стороны и само внутри себя к

согласию прийти не могло.

- Тогда, наверное, я совсем не с того начал, - задумчиво сделал вывод Валентин, услышав про прежние методы. По одной линии, оно, конечно, должно быть проще и полезнее, чем сразу пытаться рогатую крокозябру осилить. Фельтин прокашлялся и вежливо уточнил: - А с какой линии обычно начинают, вы случайно не знаете?

Яшими Элен Файр

На счастье Яшими, ребенок ей попался не обидчивый, а очень даже разумный и серьезный - и замечания и все остальное вон как правильно понял. Чудо просто, а не ребенок.

- Да, поторопился ты немного с иероглифами, - девушка едва уловимо улыбается, притягивает поближе к столу второй стул и усаживается.

- Смотри, начинают с тех же линий, с которых начинается иероглиф. То есть - горизонтальных. Кисть держишь строго вертикально за серединку, локоть - на стол, спину желательно не гнуть. Фиксируешь правильно положение, линию - проводишь, чуть скругляешь в конце. Вот как-то так, - Яшими снова взялась за кисть сама, на ходу вспоминая, как же классически ее держать полагается, сама она давно уже писала в положении "как удобно", но учиться все равно нужно было по правильному. Взяла, показывая, как правильно ее пальцами держать и провела по бумаге три горизонтальных линии, одну под другой.

- Попробуй, - щедро предложила Валентину, возвращая ему кисть и берясь уже за чашку с чаем - а то остывает продукт, непорядок.

Валентин Давенпорт

Фельтин с покаянным видом уставился в чашку с чаем - и, в отличие от младшего, не просто изображал раскаяние, а ему действительно за свою торопливость было стыдно. Как вообще так, ничего толком не разузнав, и сразу ломанулся в дебри. Ладно, сейчас это была каллиграфия, от чересчур сложных иероглифов не умирают. Но от чего-нибудь другого-то умирают точно, и нужно будет не просто прыгать башкой вперед с бухты-барахты, а сперва идти в разведку. И привыкать к такому порядку вещей пора уже сейчас.

Горизонтальная, все-таки горизонтальная линия, оказывается, идет раньше вертикальной. Фельтин недовольно поморщился - казалось бы, чего проще запомнить, а он взял и спутал в конечном итоге с вертикальной. На фоне всех этих страданий хотелось стечь под стол безвольной тупенькой кляксой, приняться увлеченно себя ругать и напрочь пропустить все объяснения про то, как держать кисть. Но Валентин напомнил себе, что у него, между прочим, есть сила воли и вообще он хоть и маленький, но дико серьезный мужик, поэтому ничего такого он не пропустит и все внимательно выслушает.

- Спасибо. Мне кажется, я понял, - сказал Фельтин, принимая у Яшими кисть. Выпрямил спину так, что очень быстро что-то неприятно заняло в позвоночнике и под лопатками, оперся локтем на стол, сложил пальцы в щепотку на середине кисти и принялся старательно рисовать одну горизонтальную черточку за другой, немилосердно жульничая и рисуя их прямо на линовке тетради, чтобы они уж точно были строго горизонтальными. Скруглять окончания черточек так лихо и изящно, как это делала Яшими, пока не получалось, вместо аккуратных закруглений получались жирненькие кляксы. Но Фельтин упрямо продолжал пририсовывать к горизонтальным линиям эти окорочка, надеясь, что если достаточно долго упорствовать, то они рано или поздно превратятся во что-нибудь более приемлемое

и аккуратное.
